

Глазами человека следующего поколения

(Памяти Михаила Кирилловича Романовского)

И.В. Чусов

(Получена 19 ноября 2005; опубликована 15 января 2006)

Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи
мне, прежде, нежели я умру:
Суету и ложь удали от меня, нищеты и
богатства не давай мне, питай меня хле-
бом насущным.

Молитва

Когда я вспоминаю МК, то у меня в голове возникает образ одинокого мамонта, который бредёт по сибирской равнине и уже не трубит даже — все другие мамонты выбиты или умерли от старости. Он это знает. Ему очень одиноко в этом мире. Ему уже не хочется жить...

— Четвёртый раз меняю записную книжку! Понимаешь — все умерли. — Это он мне в сердцах сказал в самом конце XX века, когда ему самому исполнялось 80 лет. Но тогда за праздничным столом сидели ещё кое-какие его сверстники, а люди моего поколения — его ученики — занимали руководящие жизненные позиции. Он родился в год Октябрьской революции, и его биографию невозможно представить вне биографии молодого многообещающего государства. Я родился через двадцать лет в страшном для этого государства году. А ещё вскоре случилась чудовищная война, после которой демобилизованный связист капитан Романовский стал начальником смены первого на Евразийском континенте атомного реактора Ф1 в ЛИПАНЕ — таково было в те времена открытое название Курчатовского центра. Надо же было такое придумать — "Лаборатория Измерительных Приборов Академии Наук — ЛИПАН"! Ничего себе, "измерительные приборы".

Года за три до смерти он начал активно раздавать то, что, по его мнению, могло кому-то пригодиться. В частности, дома в моей комнате стоит хрустальная(?) модель полусферы первого реактора. К хрусталу приклеен продолговатый брусочек графита. На хрустале надпись "Графит первого реактора Ф1".

Итак, я из другого поколения. Когда капитан Романовский командовал дивизионной или армейской — не помню — связью, я ходил по полутёмной Москве в детский сад. Часто трамваи останавливались, и мы с бабушкой возвращались от Зоопарка на Смоленский бульвар пешком, гадая, будет ли дома свет, или придётся зажигать "коптилку". В этом общность и разница. Война затронула всех, но каждого по-своему.

В памяти моего сотового телефона до сих пор есть страничка: "Романовский". Пускай остаётся...

В детстве и юности я активно занимался радиолюбительством. Я даже делал самостоятельно шестилампные приёмники, что было по тем временам большим достижением. Я потерял к радиолюбительству интерес, когда лампы стали активно вытесняться полупроводниками. Почему? Не имею ответа...

МК в последние годы постоянно мне говорил: "Это никому не нужно". Возможно, что с высоты своих восьми десятков он имел право так говорить. Но вполне допускал и

критику. *May be so...* — часто задумчиво произносил он в сторону, не позволяя определить, убедил ли я его, или он только делает вежливую мину (дословный перевод: "Может быть так").

Собственно, вопрос о моём ламповом радиолюбительстве иллюстрирует наши с ним разговоры о существовании или отсутствии нетленных ценностей жизни. Когда И.В.Курчатов принял МК на работу, то ему, как бывшему связисту, было поручено сделать "пересчётку" — электронное устройство, которое позволяло фиксировать огромные потоки радиации при помощи счётчиков Гейгера. Он сделал схему на шести лампах, а "Коля Макаров", как называл МК своего коллегу по новой работе, повторил английскую схему на семи лампах. Схема Макарова была "принята на вооружение", поскольку она была выполнена в традиционной манере, а МК всего лишь поблагодарили за инициативу. Но вот однажды ночью случилась беда: прибор Макарова уронили на цементный пол и разбили. Прибор существовал в единственном числе. Курчатов вспомнил про схему Романовского. Это был первый триумф МК. Схема прекрасно заработала, и совпадение с предыдущими результатами было полным. Ну и что, спросите? А то, что происходило это всё ночью. Романовского вытащили из постели, повезли на работу, а в десять утра он уже получил в первом отделе крупную премию, подписанную лично И.В.Курчатовым. Курчатов понял, что с этим человеком можно иметь дело.

Заниматься наукой — очень неблагодарное поприще. Любое научное достижение рано или поздно становится смешным в глазах следующего поколения, а то и своего собственного. Быть действующим учёным означает заниматься вечным сёрфингом — лететь на гребне океанской волны. Рано или поздно удача изменяет и тогда — конец тебе как учёному. Естественно, что шестиламповая схема Романовского, равно как и семиламповая схема "Коли Макарова" прочно и навсегда забыты. Но люди, которые работали с этими схемами, наверняка были не глупее нас. Их отношение к жизни и делу жизни интересно до сих пор без всяких скидок. И оказалось дополнительно, что Коля Макаров — отец Тани Большаковой, с которой я значительно позже вместе работал в 38 секторе Г.Я.Щепкина, под общим руководством Л.А.Арцимовича и МК. У Тани Большаковой был приятель Алперс, а отец этого человека был другом МК в курчатовские времена. И когда я в последние годы жизни проходил в кабинет МК через комнату его слесарной мастерской, то видел по дороге висящие на гвоздике мощные импортные щипцы с насечками для отвёртывания заржавевших болтов и гаек, которые подарила ему Таня Большакова в благодарность за доброе отношение к памяти её отца. Они уже никогда не увидятся, потому что Таня Большакова навсегда уехала в Израиль, а МК умер.

Судьбы скрещенья, выражаясь словами Пастернака, бывают удивительные. В начале 90-х годов я увидел МК на территории где-то около 37 объекта, с которым у него в давние времена были существенные рабочие связи, а внутри здания был даже руководящий кабинет. Но эти времена, времена "ядерной" деятельности МК я уже не застал. Он шел по направлению к корпусам ОПИ — Отделу Плазменных Исследований, — в зданиях которого находились последние его рабочие кабинеты: сначала большие, а последний — совсем крохотный, куда третий человек мог поместиться только разве что стоя.

— Михаил Кириллович! Вас по-прежнему интересует экстрасенсорика? Я кое-чему научился за последнее время.

— Ещё как интересуется! Пойдём, расскажешь.

Так началась наша с ним десятилетняя, не меньше, дружба. Дружба под самый конец его жизни... А могли бы пройти молча мимо. Я полагаю, что Бог, руководя нами, подбрасывает нам случайные события. А от нас зависит, как распорядиться этой случай-

ностью. Поэтому я уверен, что педантичный человек никогда не выдумает пороха, потому что надо не стесняться глазеть по сторонам...

Романовского я вижу в двух состояниях: крупным организатором, создающим и контролирующим окружение, и человеком, которому наплевать на это окружение, поскольку он занят поисками смысла прошедшей жизни. Я его не вижу, как это ни странно, "учёным", хотя он был доктором физ. мат. наук, членом всяких учёных советов и пр. и пр. И мне кажется, что я не оскорблю его память, если скажу, что настоящие его таланты лежали в другой плоскости — человековедения. И это мне лично нравится.

Как я уже писал выше, научные достижения — чрезвычайно скоропортящийся продукт. К тому же удовлетворение собственного любопытства за казённый счёт в принципе не имеет этической окраски. Я хочу знать... и всё. Поэтому, хотя история науки полна страстями, сама наука в глазах внешнего наблюдателя совершенно бесчеловечна, её могли создать и осьминоги. В этом её громадное отличие от искусства, где главным является выражение своей человеческой сущности. Поэтому искусство осьминогов или дельфинов было бы совсем другим. Поэтому музыка Баха и Генделя не имеют, подобно Сметане, срока годности; картины Леонардо и сейчас поражают воображение; напротив, заседания Академии наук во времена Ломоносова покажутся современному учёному собранием любителей, которые не только не могут решить простенькую задачу, но даже и поставить её затрудняются. Самое главное в деятельности учёного — открывание новой информации — вне человеческой этики, этика начинается там и тогда, когда учёные **внедряют** свои открытия или, если материальные ресурсы ограничены, **доказывают своё право** владения этими ресурсами для индивидуального поиска истины, отталкивая конкурентов. Поэтому в науке совершенно необходимы "комиссары", которые регулируют страсти учёных — людей, которые на каждом шагу пытаются доказать свою незаурядную особенность, своё право распоряжаться научными ресурсами и своё право "приватизировать" коллективные и индивидуальные научные достижения. Такой "комиссар" должен быть учёным, чтобы знать изнутри их психологию, но он должен обуздать личные учёные амбиции, если он хочет управлять общим процессом. Таким человеком был М.К.Романовский.

Я пришел в Институт Атомной энергии в 1970 году в возрасте 33 лет отнюдь не молодым специалистом. Мне казалось, что "госпожа удача" (я тогда абсолютно не верил в Бога и Его Промысел) покровительствует мне. И в то же время я появился на пороге ИАЭ после разгрома нашего КБ, где мы сделали многообещающий ионный двигатель для предполагавшегося полёта на Марс. Конечно, двигатель как таковой мы сделать не могли в принципе, потому что создание двигателя предполагает привязку к конкретному кораблю, которого не было, но модуль, работающий в автоматическом режиме нужное количество времени — 10000 часов (немного больше одного года), мы создали. Из таких модулей мы сделали связку, а это уже почти двигатель. И накануне этого торжественного момента под наше "ионное" подразделение в КБ подвели политическую мину и произвели взрыв. Сейчас это удивительно, но были люди, которым лавры доносчиков 37 года не давали спать. Сейчас это смешно читать, но мне на бюро райкома (это было в 69 году) предъявили обвинение, что, дескать, благодаря такому, как у меня, *студенческому юмору* случились чехословацкие события 68 года, и я за них должен ответить. Улыбнуться мне не удалось. Страх подавил улыбку. Сейчас стыдно за этот страх... Иногда почему-то невозможно убедительно доказать, что ты не верблюд, или что ты не являешься московским лидером "Пражской весны", тем более, что я ей сочувствовал (в душе!).

В итоге подразделение просто ликвидировали, тематику передали в ИАЭ, а сотрудникам предложили перейти вслед за тематикой, если они этого пожелают и *если их возьмут*. И вот это "если их возьмут" было существенным условием. В результате вышеупо-

мянутого политического взрыва я получил строгий выговор по партийной линии с предупреждением об исключении "за непартийные высказывания и аморальное поведение в быту". А принимал меня на работу в ИАЭ, в Отдел плазменных исследований — ОПИ — именно М.К.Романовский. Для тех, кто неотчётливо знаком с "застойными" временами, сообщаю, что лучше всего жилось в те годы физикам — членам партии. Им доверяли больше всего. На втором месте шли беспартийные, не замешанные в неблаговидном. На третьем месте находились партийные штрафники — среди них был и я. На последнем месте находились исключённые из партии, которые, обычно, лишались допуска к секретной работе, что позволяло им плодотворно трудиться в любой артели игрушек. Ни в чём себе не отказывая, разумеется...

В КБ я работал вместе с лаборантом высшего разряда Игорем Покровским. Когда мы вместе с Игорем появились в кабинете у Романовского, я мысленно уже готовился к тому, чтобы выплеснуть ему в лицо всю правду-матку, которой я тогда был переполнен, и уйти, хлопнув дверь. Но события пошли совсем по иному сценарию. Нас принял невысокий худощавый человек с лёгкой сединой. Он встал — легко, не шаркая ногами по полу — из огромного рыже-серого ворсистого кресла, в котором мог поместиться даже Ниро Вульф, приветливо поздоровался за руку и спросил, кто будет говорить. Это было уже необычно, поскольку во всех предыдущих разговорах с другими начальниками мне сходу давали понять, что я — человек третьего сорта. Я сказал МК, что хотел бы работать в ОПИ, но не в 37 секторе, в котором давно занимались ионными двигателями, а в 38. Я объяснил своё желание тем, что в секторе 37 сложились свои научные традиции, с которыми я не очень согласен, и, поэтому, хотел бы заняться новой для меня физикой **плазменных двигателей** в секторе, научным руководителем которого был в те годы А.И.Морозов, а начальником — отошедший от реальных дел после тяжёлой болезни Г.Я.Щепкин. Заодно я попросил, чтобы Игорь Покровский, с которым мы хорошо потрудились в КБ, по-прежнему работал со мной.

— Конечно, — согласился Романовский. — Мы очень ценим такие связи. А что касается Вашего желания, Илья, работать у Морозова, то я в принципе не возражаю, но хотел бы, чтобы вы оба поговорили с В.С.Стрелковым. Вдруг Вам захочется заняться на прямую термоядом? Я не буду возражать.

Романовский тогда был, кроме всего остального, начальником 6-го, "токамачного" сектора ОПИ, а Стрелков реально руководил в нём экспериментальной работой. Я позабыл детали этого разговора, но твёрдо помню одно, что вопрос о моих партийных провинностях не поднимался вообще. А слово "конечно" МК всегда произносил с ленинградским акцентом. Именно, не "коне-ш-но", а "коне-ч-но", не "ш-то", а "ч-то".. В моих глазах произнесение слова "конечно" было фирменным знаком МК. А потом, много лет спустя, я частенько снимал дома телефонную трубку и слышал один и тот же вопрос:

— Илья?

— Здравствуй Михаил Кириллович!

— Ишь, ты! Узнал.

— *Конечно*, узнал, — говорил я, пытаюсь воспроизвести его манеру произнесения слова *конечно*...

А со Стрелковым мы общего языка не нашли. Не знаю, хорошо это или плохо. Мы с Игорем пошли работать к Морозову.

Надо заметить, что в те годы М.К.Романовский координировал все работы по ионно-плазменным двигателям в Средмаше, что фактически означало координацию в масштабе всей страны. Поэтому власть МК надо мной в тех обстоятельствах была абсолютной. Я с изумлением понял, что этот человек мне нравится. Мне не раз приходилось по-

том сталкиваться с МК в связи с нашими научно-организационными проблемами, и всегда эти встречи оставляли приятное воспоминание. Здесь я сделаю небольшое научное отступление. Впрочем, это как поглядеть, — "отступление" или шаг дальше. Романовский и дело, которому он служил, — неразделимы.

После взрыва Бомбы, запуска атомных реакторов и разработки в ИАЭ методов электромагнитного разделения изотопов возникло много проектов, которые, слава Богу, не осуществились. Одному видному советскому учёному (нарочно не называю его фамилию) принадлежала красивая физическая идея. Как известно, США окружены океанами. Если вдоль побережья синхронно взорвать в воде много водородных бомб, то возникнет искусственное цунами, которое прокатится по всей территории США, уничтожая всё на своём пути. Идея была настолько людоедской, что даже бравые военные её не поддержали.

Авиаторы придумали самолёт с атомным двигателем, который не требовал дозаправки в воздухе. По мысли этих людей он должен был вечно барражировать у границ *врага* с водородными бомбами на борту, напоминая *врагу*, что шутки — плохи.

Адмиралы увлеклись подводными лодками с атомным реактором на борту по той же самой причине: плавает себе лодка год под водой, никто её не видит, не слышит, а потом — ба-бах, и из-под воды взлетает ракета с *бомбой*, летит кратчайшем путём на цель и её ничем не остановить.

У ракетчиков были свои сказки. Как мне рассказывал МК, по инициативе нескольких главных конструкторов были приняты Постановления ЦК КПСС и Совета Министров (а может быть, ВПК — Военно-Промышленной Комиссии, что почти то же самое) о создании электроракетных двигателей на базе работ Средмаша по электромагнитному разделению изотопов. Были выделены крупные деньги. В основе Постановления лежало не совсем грамотное ТЗ, возникшее в среде ракетчиков. МК называл его "десять в четвёртой". Это означало 10^4 часов ресурса, 10^4 секунд удельный импульс (скорость истечения, делённая на ускорение свободного падения), 10^4 граммов тяги. Надо было выполнять данный проект. Начало работе было положено ещё при И.В.Курчатове и продолжено при А.П.Александрове. МК пошёл к А.П.Александрову. Он объяснил АП, что параметры удельного импульса и тяги приводят к необходимости иметь на борту энергетическую установку в 40 мегаватт, а в наличии имелось 1-2 киловатта за счёт солнечных батарей. АП подивился его наивности: "Вам всегда не хватало денег, вот и тратьте их на научные исследования, а там посмотрим". Как говорил один классик-ревизионист: "Конечная цель — ничто, движение к цели — всё. Так оно и вышло. МК хотел получить ионный двигатель и для этого, например, перевёл В.М.Гусева и М.И.Гусеву в Москву в ИАЭ из провинции. Двигатель у них не получился, но зато возникла прекрасная установка для ионного легирования полупроводников — ИЛУ, которая широко использовалась в промышленности. Лаборатория В.М.Гусева стала мировым лидером. После смерти Виктора Михайловича его жена Мария Ильинична Гусева постепенно стала классиком в новой отрасли промышленности. Её, как и раньше, приглашают на симпозиумы по всему миру. Воспоминания МК об этой истории изложены в сборнике, посвящённом юбилею М.И.Гусевой, соседке МК по подъезду. Эта была последняя работа МК, напечатанная на бумаге. Ему было тогда 86 лет. После неё была ещё одна статья в *электронном журнале* "Квантовая магия", которая называлась "Телепатия в советские годы". Том 1, выпуск 4 за 2004 год. Просили ещё, но, увы...

Вернёмся к атомным проектам. В этих проектах было много амбиций и мало понимания. Скажем, атомный самолёт. Можно ли его сделать? Конечно, можно. Будет ли он

год летать? Надо постараться. Но вот если он рухнет на землю со своей атомной начинкой, это будет катастрофа вроде Чернобыльской. Реакторы запускались несколько раз и в ближний космос. Те самые 40 мегаватт можно было получить, только используя атомный реактор. При этом все дрожали в момент старта — а вдруг взрыв ракеты? — и в момент приводнения. Вдруг он не в океан ухнется, а куда-нибудь в Белый Дом? Короче говоря, из всего этого многообразия уцелели только подводные лодки, потому что океан б-о-ольшой, он всё переварит, как тогда казалось...

Заканчивая этот исторический экскурс, я могу сказать, что все 60-е годы проблема создания космических электроракетных двигателей кормила множество организаций и отдельных лиц. Выйдя в 1961 году из стен вуза, я сложился как инженер-физик именно в процессе решения этой увлекательной (как тогда казалось) физической задачи. Всё остальное, чем мне потом пришлось заниматься в жизни, было менее интересно и менее результативно. Эти воспоминания остались навсегда в моей жизни подобно первой любви. Мне иногда снится моя первая физическая установка, сделанная собственными руками, и в этом сне я счастлив. ИАЭ для меня, скорее, был браком по расчёту. А что делать?

* * *

Конечно, сказать, что нравственный климат ОПИ создал Романовский, было бы слишком сильным утверждением. Всё-таки был Курчатов, имевший внутреннее прозвище "Борода", которого МК любил и очень уважал. До работы в ОПИ Михаил Кириллович был начальником Политотдела ИАЭ при Курчатове, и отвечал именно за нравственный климат всей огромной организации... Когда я пришёл в ОПИ, я не верил никому — слишком много я перед этим встретил трусости и предательства. Потом я понял, что никто на меня не копил досье, ещё я понял, что если такое досье кто-то и накопил бы, то использовать его, это досье, при живом Романовском было невозможно. Меня это изумило: я попал в общество непуганых *детей*, которые не понимают, в каком мире существует ОПИ, и как им здорово за глухим забором живётся!

В начале семидесятых годов я стал довольно активным участником советско-французского проекта Аракс. В этом проекте было реализовано искусственное полярное сияние. Ключевыми элементами проекта была электронная пушка, которую сделал киевский институт Патона, и сильноточный плазмогенератор, который разработали мы в 38 секторе, а сделали на заводе в городе Калининграде. Кстати, бывая в доме МК на праздничных застольях, я с удовольствием видел за стеклом в столовой большую красную пластмассовую коробку с памятной медалью участника этого проекта. У меня есть такая же.

Тогдашняя диспозиция внутри сектора была следующая: Евгений Петров, заместитель начальника сектора отвечал за наше участие в проекте в целом, а я отвечал за всю научную сторону, поскольку сама идея использования сильноточного полого плазменного катода как самого дешёвого источника плазмы возникла вовсе не в ИАЭ, а в той организации, которую столь трагично разогнали. Там за эту работу отвечал я. Так что и в 38 секторе научная сторона *фактически* оказалась в виде единственного исключения не за А.И.Морозовым, а за мной. Идея использования полого катода была настолько неожиданной, и параметры, которые мы получили, настолько перекрывали достижения американского космического агентства НАСА, что французы потребовали доказательств.

В Москву направился главный инженер проекта с французской стороны, господин Комбу, если мне не изменяет память. Мы должны были ему всё рассказать, показать и продемонстрировать выход на заданный режим в течение 60 секунд. Особенность демонстрации состояла в том, что если в процессе выхода на режим произойдёт сбой, то повторить пуск можно было только на следующий день. А.И.Морозов, насколько я припомни-

наю, куда-то уехал от греха подальше, а мы с Петровым остались за крайних. Пошли к МК. Романовский не усомнился в том, что у нас всё получится, однако он заметил большую пробоину в нашем бумажном обеспечении. Он спросил, есть ли у нас авторское свидетельство на изобретение, которое мы собираемся передать французам, и не является ли оно секретным. Выяснилось, что авторским свидетельством мы не озаботились. Романовский укоризненно покачал головой и развёл руками. Петров заорал:

— Но Франция, Михаил Кириллович! Как мы будем выглядеть в глазах Комбу?!

— Киска моя, — очень спокойно ответил МК, — я готов поспорить с Францией, но не с КГБ. Ищите решение. — Потом добавил: — В случае необходимости я уступлю свой кабинет.

Намёк был понят. Оставалось меньше суток на всё-про-всё. Нашими заказчиками были не французы напрямую, а ИЗМИРАН — Институт земного магнетизма и распространения радиоволн Академии Наук. В ИЗМИРАНЕ был заместитель директора по науке И.А.Жулин. Он согласился сыграть роль зицпредседателя Фунта. Я написал ему речь. Речь спешно переправили в подмосковный Троицк, где находится ИЗМИРАН. Жулин её выучил наизусть и произнёс как ответственный представитель ИАЭ в кабинете М.К.Романовского в ОПИ. Меня там не было. Я готовил демонстрацию. Дальше всё кодрло спустилось на первый этаж и возникло у меня на установке.

В этот день я впервые понял, как психология может влиять на здоровье. Отвечал за запуск именно я, и как мне тогда, дураку, казалось, отвечал перед страной. Пуск был назначен на 13 часов. В десять утра моя собственная температура поднялась до 38 градусов, к двенадцати она перешагнула 39. К моменту нажатия кнопки я был в полуобморочном состоянии. Однако страхи были напрасны. Всё прошло как по нотам. В 14 часов моя температура опустилась до отметки 36,6. Когда французы уехали, в своём кабинете появился МК, сдул чужую пыль и поздравил нас с успехом. Всё обошлось. Проблему отсутствия авторского свидетельства при участии руководителя проекта академика Сагдеева удалось как-то разрешить.

Я разглядываю телефонную книгу ИАЭ за 1970 год, которую мне подарил МК пару лет назад. Она — для служебного пользования, экземпляр 620 принадлежал ему лично. Мелькают знакомые фамилии: *Арцимович Лев Андреевич* и рядом карандашом *Милка - 9349*. "Милка" это дочка "Льва". *Базилевская О.А., Беляев В.А., Бочин В.П.*, карандашом — *Безыменская*. Далее: *Васин А.И., Велихов Е.П., Головин И.Н., Гуревич Исая Израилевич*.

На последней фамилии стоит остановиться. И.И.Гуревич, крупнейший физик-теоретик в области реакторов и свёл Михаила Кирилловича с Курчатовым. МК трепетно относился к нему всю жизнь, неоднократно пользовался его консультациями. С ним связан забавный эпизод, который он мне рассказывал лично. Где-то в конце 40-х годов в Москве служебным тиражом была издана первая книжка про атомную энергию. Автором её был американец Г.Д.Смит. Она называлась "Атомная энергия для военных целей". Далее следует наш с МК разговор:

— Ну, ты конечно, о такой книжке и не слышал по молодости лет.

— А вот и неправда! Я её читал школьником, одновременно с Вами!

— Ишь, ты! Скажи на милость! А кто был там редактором? Знаешь?

— Н-нет, не помню. У меня эту книжку кто-то спёр.

— А у меня она есть. Бери и читай.

Книжка в бумажном переплёте стояла на почётном месте в библиотеке хозяина. Достая, разворачиваю и читаю: Иван Иванович Иванов.

— Я такого не знаю.

— Я то же самое сказал Игорю. А он мне говорит, улыбаясь, что при случае познакомит... Как-то мы сидим вдвоём у него в кабинете. Входит Исая. Борода говорит: "Знакомься — Иван Иванович Иванов".

Перелистывать эту телефонную книгу — сплошное расстройство. Хотя бы дальше на букву Д. Бросаются в глаза фамилии Демичева и Доброхотова. Обоих уже нет. МК просил меня помочь Е.И.Доброхотову по медицинской части. Помочь не удалось. Но впечатление от знакомства сохранилось доброе. Когда на похоронах я встретил его жену, Зинаиду Дмитриевну, она, увидев меня, обняла и заплакала... Листаю эту книжку, и в моих глазах встаёт невидимый град Китеж, который утонул в Лете. Дело не только в том, что давно уже нельзя пройти от первой проходной до здания ОПИ, не выходя из хвойного леса и вишнёвого сада. Давно уже мы, сотрудники ИАЭ, не едим собранные на территории грибы, яблоки и вишни. Страшнее другое. Когда ты идёшь по длинным коридорам ОПИ-2, то не только не встречаешь тех, кто бегал по этим коридорам в 1970, например, году. Эти коридоры сейчас вообще пустые. Из них ушла жизнь. Это как труп, из которого вытекла кровь.

Иногда я предпринимал отчаянные попытки бороться с энтропией.

— Михаил Кириллович! А где Вы встретились с Курчатовым?

— Главное здание знаешь? Там на втором этаже была квартира Исая. В ней. Исая меня соблазнял. Часов девять вечера... Почему Исая? Потому, что он был женат на Татьяне Фирсовой. А я её знал с детства. Надо ей позвонить. Мы собирались с ней завтра пойти погулять... Ну, так вот. Когда мне Исая в самых общих чертах рассказал о возможной работе, то меня это предложение заинтересовало. Исая позвонил Бороде. Я слышу: "Можно он к Вам зайдёт? Не надо? Сами? Хорошо". А потом мне: "Игорь Васильевич сейчас сам к нам спустится". Игорь Васильевич жил в том же доме этажом выше. Тогда я с ним и познакомился.

Для тех читателей, которые не бывали в ИАЭ. Главное здание располагается в глубине охраняемой территории ИАЭ. Дом, в котором произошло знакомство с Курчатовым, давно уже резиденция последовательно всех директоров ЛИПАНА — ИАЭ — РНЦ — "Курчатовский институт". Больше полвека в этом здании гнездятся только чиновники. Если стоять перед входом в это здание, то в левом крыле и были поначалу жилые квартиры Курчатова и Гуревича. Сейчас перед входом слева висит мемориальная доска, повествующая о том, что здесь работал видный советский учёный академик Легасов. Справа всё то же самое сказано в адрес академика Миллионщикова. Недавно там же справа повесили доску в честь Ю.Б.Харитона, который реально трудился совсем в других краях. Конечно, не моё это дело академиков рассаживать, но всё-таки не хватает там двух главных досок: И.В.Курчатова и А.П.Александрова. Остальные можно бы и снять. Наверное, нужна ещё третья доска, историческая. Когда определилось место реализации атомного проекта, то И.В.Курчатов получил под своё командование необъятное картофельное поле, срочно огороженное забором, и внутри — недостроенный трёхэтажный дом, в котором он поселился жить, и где работали его первые сотрудники. Интересно, что на первых порах этот дом казался ему слишком большим!

Какие клерки сидят в этих комнатах сейчас? Знают ли они, что вот здесь стояло кресло Курчатова или его кровать? Уверен, не знают, потому что "мы ленивы и нелюбопытны"... Итак, здесь не только работали, но и жили, питались, может быть, качали детей. Повторяю, *внутри забора!* А в нескольких десятках метрах от дома в брезентовых сараях с бетонным полом днём и ночью стрекотали счётчики Гейгера, фиксируя невидимое излучение урановых образцов, и моделировался будущий реактор. Когда я об этом услышал, то в моём воображении встали великие тени тогдашних обитателей этого дома. Мне кажется, я даже ощутил запах жареной картошки, которая возвращалась здесь же, за ко-

лучей проволокой, благо места было сколько угодно. ИАЭ занимает овал 500 на 800 метров. Производственные здания по указанию Курчатова были выстроены по периферии. Посредине был огромный сад. Я его застал. По мысли отцов-основателей атом должен быть мирным. Символ мира — сад. Сейчас садов нет. Вместо них — производственные помещения.

Вернёмся к нашей беседе. Итак, квартира, где он познакомились с Курчатовым:

— Почему же Вы об этом молчите, Михаил Кириллович!!!

— А кому это надо, Илья?

— Мне, например.

— Этого мало.

У него были основания думать о невостребованности своей работы. В 1990 — 1994 годах вышли три выпуска его труда "Термоядерные исследования в ИАЭ им. И.В.Курчатова". В каждом выпуске страниц по двести. Это *научный* обзор работ по термояду, которые производились в ОПИ с 1950 г. по 1965 год. Я помню, что я пришёл к нему в его последний маленький кабинетик в торце третьего этажа ОПИ-2. Он тогда ещё регулярно ходил на работу в своей неизменной светло-синей куртке, тёмном берете и с жёлтым кожаном дипломатом в руке. Мне легко мысленно представить эту картину осенним золотым днём. Пешеходные дорожки и автомобильные заполнены жёлтыми листьями клёна и липы...

Неожиданно он продолжил:

— Хочешь, я тебе подарю кое-что?

— Конечно, Михаил Кириллович.

Чтобы открыть шкаф за его спиной, ему пришлось отодвинуть своё непотопляемое огромное кресло, а мне вместе со стулом выйти в коридор. Он достал несколько книжек в бумажных обложках, положил на письменный стол. Потом мы вместе с ним поставили на место кресло, и я со своим гостевым стулом вернулся назад. Он чего-то писал своим мелким красивым почерком на первом томе обзора. Прочитал я только дома. Написанное заставило меня покраснеть: "Дорогому другу и учителю в самых интересных вопросах. Романовский". У меня сохранился этот томик. Чуть пожелтел... Видит Бог, я всегда говорил МК, что у всех нас есть только один Учитель. А мы все — Его ученики. Вот так.

Я узнал, что весь этот шкаф забит выпусками обзора. Опять я попытался бороться с энтропией.

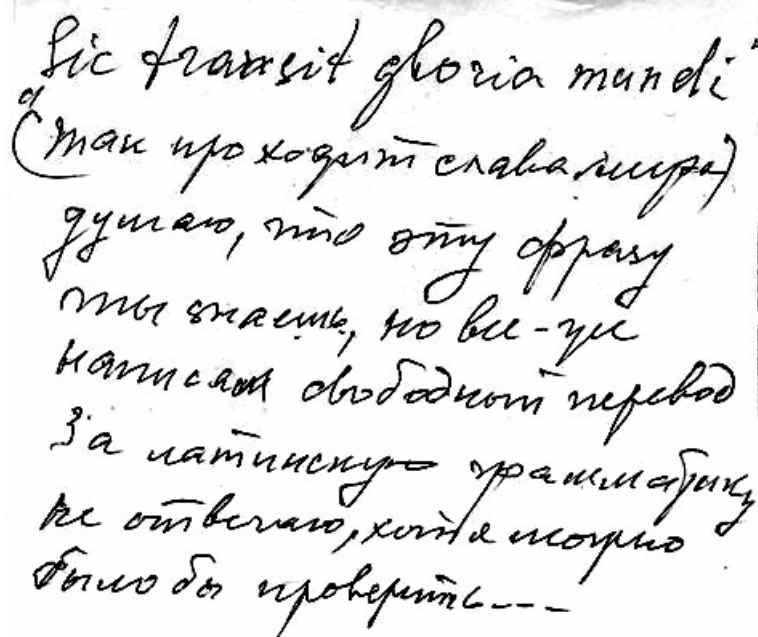
— Дайте мне несколько экземпляров! Я раздам хорошим людям, они просто об этом ничего не знают!

Но здесь он показал свой норов.

— Пускай сами придут ко мне.

Насколько мне известно, никто к нему так и не пришёл. На его похоронах я убеждал тех людей, от которых это зависит, сохранить книги и каким-то образом организовать рекламу — ведь ничего подобного нет. Предлагал в помощь себя. Мне говорили "да-да", а сделано ли что-то, мне неизвестно. Ко мне, во всяком случае, никто не обратился. *Так проходит мирская слава.* МК произносил эту фразу на латыни. Я не умею.

Теперь я сделаю вставку, идея которой возникла позже написания основного текста. Мне захотелось посмотреть, на сколько лет Курчатов был старше Романовского. Оказалось, на 14 лет. Для того, чтобы узнать это, я заглянул в сборник воспоминаний об И.В.Курчатове, где есть глава и Михаила Кирилловича. Этот сборник МК подарил мне с дарственной надписью в январе 2003 года. Я уже забыл, что именно он написал тогда. Когда я закрывал книгу, из неё выпал маленький листочек, исписанный почерком МК. Я представляю его в несколько увеличенном размере:

Sic transiit gloria mundi
(Так проходит слава мира)
думаю, что эту фразу
ты знаешь, но все-таки
какаясь свободный перевод
за латинскую грамматику
не отвелаю, хотя и можно
было бы проверить---

Тогда я вернулся к дарственной надписи. В конце надписи и была та самая латинская цитата, которую я неоднократно слышал от МК. Он её прокомментировал отдельно на маленьком листочке, который я ранее не заметил. У меня было такое ощущение, что я получил весточку с того света.

В общем, тандем со "Львом" (Арцимовичем), который я застал, был последним местом работы МК, когда его таланты руководителя оказались востребованными в полном объеме. Он мне рассказывал, что они со Львом Андреевичем поделили сферы ответственности, и когда пару раз МК обнаруживал следы чужих лап на своей территории, то он делал Арцимовичу представление, и величественному Арцимовичу, которому ничего не стоило сказать слово "нет" А.П.Александрову, здесь приходилось отступать. Но в целом они прекрасно ладили, хотя и не дружили семьями. Впрочем, у МК и здесь были свои принципы: он не заводил близких знакомств, которые могли связать ему руки. Поэтому у него не было личных друзей ни среди начальства, ни среди подчинённых, а в основном — сбоку.

Я запомнил траурный митинг по поводу смерти Арцимовича. Митинг происходил на площадке между зданиями ОПИ. Капал не то дождь, не то снег. МК был в кожаном полувоенном пальто и выглядел просто красиво. Он был в расцвете зрелости. Речь его была уверенной, слова — убедительными. Наверное, таким он был на фронте перед наступлением. Никто не мог предполагать, что ему при новой власти предстояло оставаться меньше года в прежней должности. Однако теперь, глядя в прошлое, можно оценивать всё иначе.

Со смертью Арцимовича закончился целый этап в развитии плазменной технической науки. Наверное, он был последним, кто хотя бы допускал возможность получить промышленный термояд в XX столетии. Пришли новые люди. Они понимали, что за успехи в создании ядерного оружия стране пришлось слишком дорого заплатить. Ведь во главе атомного проекта стоял не физик Курчатов, а маршал Берия. Такая авральная система не могла работать долго. Кроме того, выяснилось, что промышленное использование атомной энергии не приносит грандиозной выгоды, наоборот, возникают очень большие проблемы. А что касается мирного термояда, то оказалось, что эта проблема не на десятилетия, а на века.

И.В.Курчатова фактически вылепил МК как научного комиссара, от которого требовалось руководить наукой в режиме безудержного энтузиазма. И МК с этим блестяще справлялся. А потом наступил штиль. Можно сказать и более жёстко. Потенциал "Страны Советов" оказался израсходованным. И никакие распрекрасные комиссары в пыльных шлемах не могли остановить тотальную деградацию. В этих условиях изгнание МК из высших эшелонов власти было вопросом времени. В сущности, такие прямые и честные люди для новой, карьеристической системы становились опасными. И эта система их перемальвала. Так, в конце концов, МК оказался историком термояда, и когда он в одиночку осуществил свой гигантский труд, его, этот труд, напечатали малым тиражом, положили в шкаф и подвергли "грызущей критике мышей". Какие бури и страсти разыгрывались в сердце МК, можно только догадываться, потому что он прекрасно умел держать себя в руках. Наша с ним дружба возникла именно в этот "исторический" период его жизни, когда он осуществлял пересмотр основ своего мировоззрения.

Я хочу быть понят своей страной.
А не буду понят — что ж?
По родной стране я пройду стороной
Как проходит косой дождь.

Оставаясь коммунистом в своих убеждениях, он отбросил крайности коммунистического учения. Приняв перемены, он не принял их рваческую идеологию. Распростившись с атеизмом, он не стал верующим фанатиком. В общем и целом его интересовала единственная проблема — как *надо* жить, и как *надо было* жить. В возрасте 75-80 лет это был подвиг. Именно в этот период я и подвернулся со своими статьями. Он нашёл в них ответы на некоторые свои вопросы.

Однажды он встретил меня на улице и сказал:

— Борис напечатал большую статью в "Успехах". В статье обсуждается возможность сверхсветовых информационных сигналов. Он мне об этом сам сказал. Почитай. Мне уже это не по силам, а ты, может быть, разберёшься.

Борис — это академик Б.Б.Кадоццев, преемник "Льва" по руководству ОПИ. МК весьма критически относился к нему в человеческом плане, но как учёного — ценил. Этот разговор состоялся летом 1994 года. Следующие месяцы у меня был целиком заняты изучением статьи ББ под неброским названием "Динамика и информация". В статье было 80 страниц большого формата. Мне было очень трудно — ведь я не теоретик. Выводы были таковы.

В теории относительности сверхсветовые информационные сигналы были Эйнштейном исключены из рассмотрения потому, что допущение таких сигналов приводило к возможности изменения прошлого, что противоречит человеческому опыту. ББ в своей статье пытался объяснить недавно открытый тогда в ИАЭ т.н. "эффект Соколова", используя сверхсветовые сигналы, а чтобы не вступать в полемику с Эйнштейном, ББ показывал, что не всякий сверхсветовой сигнал меняет причинность. "Плохие" надо запретить специальным постулатом, а "хорошие" разрешить. Такая постановка вопроса показалась мне совершенно искусственной, но своё дело статья сделала — я стал думать на эту тему. И однажды мне пришла поистине удивительная мысль. Эйнштейн отверг сверхсветовые сигналы, поскольку они приводили к нарушению причинности, а этого никто не наблюдал. Но это не доказательно, если хорошенько подумать. Может оказаться так, что прошлое на самом деле меняется, но этот эффект **ненаблюдаемый!** Почему? А вот почему. *Все наблюдатели, связанные с первым прошлым, просто не существуют в новом прошлом и связанным с ним новом настоящим.* Некому сравнивать! Наблюдатели поменялись... **Кроме Бога.**

Может быть, прошлое меняется каждые пять минут, изменяя и настоящее, но мы этого не замечаем, потому что сами меняемся с такой же частотой. Происходит изменение реальности, которое невозможно заметить. Я написал статью на эту тему и предъявил её МК. МК быстро сообразил, что я принёс ему наброски физической теории оптимизации жизни через религиозное покаяние. Эта работа была напечатана в Германии и оттуда через Интернет вернулась в Россию.

Наше дальнейшее сближение произошло ещё и потому, что, как нам обоим казалось, мне удалось ему помочь поправить здоровье.

— Слушай, чего-то я стал кашлять много... И похудел здорово.

— Надо бросать курить, Михаил Кириллович!

— А зачем? Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт!

К тому времени я уже достаточно давно бросил курить, поэтому имел в данном вопросе собственное мнение.

— Вы думаете это Вы курите? Это через Вас какая-то тёмная сила курит. Вас просто используют. Вы эту дрянь пригреваете. Она Вами командует. Ведь курящий всегда наркоман, чего не скажешь о выпивающим по праздникам. Вот Вам — стимул бросить курить и заодно плата Богу за лечение.

— May be so...

Курить он резко бросил. Как выяснилось, не навсегда. Он снова закурил после смерти Киры Михайловны, когда ему показалось, что жизнь потеряла всякий смысл, и курение было вариантом вялотекущего самоубийства. Но об этом — потом. Я ему сказал, чтобы он сообщил мне, когда начнёт прибавлять в весе. Врать, то есть создавать заведомо ложную информацию, я не должен. Он меня не спрашивал о диагнозе, а я молчал. Прошло недели две. Я занимался усиленно лечением его лёгкого на расстоянии. Наконец произошла долгожданная прибавка в весе. Улучшилось и самочувствие. Перестал кашлять.

— Так что у меня было? — наконец спросил он у меня.

— Рак у Вас был, по краешку ходили. Ваше счастье, что курить бросили!

— Ну, ты даёшь! Предупреждать надо.

— Предупреждать нельзя. Плохо будет.

Я рассказал ему, что до процесса приборной диагностики всякое серьёзное заболевание имеет характер *возможности*. Эта *возможность* видна квалифицированному экстрасенсу как рабочий диагноз. Именно в этот период Бог даёт человеку шанс разобраться в своих прегрешениях и покаяться. Механизм покаяния изменяет реальность. В новой реальности человек не обречён уже умереть от рака. Диагностика, проведенная *после покаяния* экстрасенсом или приборная, покажет отсутствие *смертельного* заболевания. Обнаружится что-то другое. Напротив, преждевременная приборная диагностика может зафиксировать именно *смертельное* заболевание. Здесь надо ещё помнить, что в нынешней медицине *диагностика опередила медикаментозное умение лечить*. То есть диагностика может обнаружить такое, что лечить ещё не научились. Это означает смерть.

Мир устроен очень правильно. Никакому экстрасенсу не будет позволено "при народе в хороводе", "на глазах изумлённой публики" произвести излечение неизлечимого. Не будет позволено потому, что такое событие было бы доказательством бытия Божьего. А это пока что в планы Господа, по-видимому, не входит. Можно обобщить это утверждение. **Невозможно никакое чудо, которое противоречит твёрдо известной человеческому обществу информации.** Но локальное чудо, чудо для одного и потому недоказуемое, происходит на каждом шагу. Так Бог поддерживает веру каждого из нас в отдельности. МК это принял. Я тоже.

— Так ты хочешь сказать, что здесь работает принцип неопределённости?

— Квантовая механика в чистом виде. Выбор одной возможности из нескольких.

— May be so...

И если я описываю эти "сомнительные" разговоры, то не потому, что мне хочется потянуть одеяло на себя, а потому, что МК, по словам такого авторитетного человека как А.П.Александров, был "главным мистиком" Института Атомной Энергии. Он постоянно пытался навести мостик между мистикой, экстрасенсорикой, религией — называйте как хотите — и наукой. Я полагаю, что после ухода от активной организационно-научной деятельности именно эта проблема занимала его мысли. Он скучал, если подпитка этих его мыслей задерживалась. После смерти Киры Михайловны, когда МК стал совсем "невыездным", мы с ним встречались примерно раз в 3 недели у него дома в основном на кухне, иногда заходили в его кабинет, если требовалась книжная ссылка. Кстати, те книги, которые стояли в его кабинете на видном месте, совпадали иногда с моими. Вспоминается редкое издание С.Лема, где впервые была опубликована его повесть "Непобедимый", книжка К.Симонова в бумажном переплёте "Записки Лопатина" и др. В единственном случае его посещения моего дома он вцепился в "Письма к другу" Светланы Аллилуевой и отстал от чтения только тогда, когда я предложил ему взять эти "Письма" с собой. Он благополучно их зажал, но я не в обиде. Где-то я их, кажется, потом видел у него дома.

Наши с ним посиделки начинались часов в 12-13 дня и заканчивались в 4-6 вечера, когда возвращался с работы "Шурёнок" (Александра Михайловна, его дочка). Больше в доме никого не бывало. Телевизор всегда выключался. В более ранние годы доставалась водка (чаще всего "Старка"), потом я стал вместо водки приносить литровый пакет полусухого вина. В этот день мы не обедали (обед всегда "Шурёнок" оставлял), потому что неохота было тратить время на разогревание и прочее. Что случалось в холодильнике, тем и закусывали. Одновременно шли разговоры. Пару раз в 2002 и 2003 годах я выезжал к нему на дачу. В обоих этих случаях "Шурёнок" звонил мне, что папа на даче остаётся один на 2-3 дня, и если у меня нет других планов, то хорошо бы мне приехать и разделить его одиночество. Ехать было не близко, часа 2-3, за Малоярославец до станции Сляднево.

Когда я первый раз приехал, то обомлел. Ничего подобного я не видел никогда. Маленький домик с одним окном на деревенскую улицу, как глаз циклопа, являл собой первоначально купленное сооружение. Он был увеличен в полезной площади в несколько раз за счёт галерей, пристроенных с трёх (или четырёх?) сторон. Галереи были выполнены из деревянных конструкций бывшего московского коттеджа МК, которые доставили в деревню Сильверстово после сноса коттеджа. Самодельность во всём при неплохой функциональности. В целом дом напоминал ранчо на дальнем американском западе в середине XIX века. Не хватало только колышков и лошадей.

Пожалуй, здесь уместно вспомнить моё единственное посещение коттеджа МК, пока он ещё стоял. Если я не ошибаюсь, это случилось в первый год моей работы в 38 секторе у А.И.Морозова. Как я уже писал выше, данный сектор в основном специализировался на СПД — стационарных плазменных двигателях. Плазменный двигатель отличается тем, что нейтральная плазма ускоряется в целом магнитными силами. В ионном двигателе, напротив, ионы отдельно ускоряются электростатикой, а на выходе смешиваются с электронами для зарядовой нейтрализации. В обоих случаях получается ускоренная плазма. СПД было оригинальным детищем 38 сектора и его научного руководителя А.И.Морозова. Американских аналогов не было. И вот приходит информация, что произведён успешный запуск спутника с СПД на борту, и включение этого двигателя позволило поднять орбиту спутника на километр. Ура! Полная победа. В секторе — собрание, произносятся речи, и там же был и МК как руководитель электроракетной программы в Союзе. Мне было немножко грустно, поскольку тот ионный двигатель, на разработку которого я потратил 10 лучших лет своей творческой биографии, в этом запуске не участвовал, равно как и во всех последующих ввиду разгрома нашего КБ. Поэтому я присутствовал на

этом собрании зрителем, поскольку мой тогдашний вклад в создание СПД равнялся нулю. Все остальные бурно радовались. Явно требовались горячительные напитки и застольные речи. Но об этом никто заранее не позаботился. И вдруг МК говорит: "Можно собраться у меня".

Итак, МК за 2-3 часа с помощью Киры Михайловны и детей организовал приём гостей в количестве не менее 20 человек практически за свой счёт! Коттеджи в ИАЭ были вроде звёздочек на погонах. Академику полагался дом целиком, начальству пониже — один дом на двоих. Но в любом случае это был двухэтажный дом с лужайкой и гаражом в черте Москвы... Целая улица таких коттеджей в конце 70-х годов была уничтожена. На этом месте построены многоэтажные дома. Но народ опасается. Вроде бы под ними карстовые пустоты шалят...

Стол, за которым нас посадили, расположили на первом этаже. Конечно, позабылись речи, полные энтузиазма и взаимные объяснения в любви. Никто не мог предполагать, что очень скоро люди, пившие за здоровье друг друга, перессорятся в борьбе за должности, почёт и деньги. Но это было потом, а пока я видел, как рядом со столом открывался люк в подполье, и МК самолично нырял в этот подпол, поднимая наверх очередную трёхлитровую бутылку с домашним вином. Пили, ели, веселились, подсчитали — прослезились. Ни плазменные, ни ионные двигатели не нашли применения. На самом деле эти двигатели хороши, например, для пилотируемого полёта на Марс или дальше. А лететь туда никто реально до сих пор не собирается — слишком дорого. Весь наш труд, все творческие усилия ушли в песок. Если эти двигатели окажутся востребованными, то их будут заново делать другие люди на основе других технологий. От нас будет взят только один факт — что их можно сделать. Поэтому я хорошо понимаю МК, который периодически повторял под конец жизни одну и ту же фразу: "Кому это нужно?". Но если бы дело касалось только такой мелочи, как электроракетные двигатели!

* * *

И горько жалею, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю

И здесь надо затронуть эти печальные строки, о которых я читал и слышал особо от МК и других людей. Дело в том, что смерть И.В.Курчатова изменила некоторые подходы, которые завели в тупик. В частности, И.В.Курчатов очень серьёзно ошибся в сроках овладения мирным термоядерным синтезом. Ему казалось, что отсутствие быстрых успехов в этой работе есть следствие неправильного взгляда на эту проблему её руководителя академика Л.А.Арцимовича. По мнению Курчатова надо было что-то менять. В этой связи Игорь Васильевич создал "параллельный" термояд под руководством своего тогдашнего молодого заместителя И.Н.Головина. Фактически этим направлением руководил он сам. Срочно была построена большущее здание в виде пустого спичечного коробка этажей на 7-8 без окон, а в нём — огромная прямая вакуумная труба из нержавеющей стали с надежными на неё магнитными катушками на торцах — установка ОГРА с магнитными пробками. ОГРА принадлежала к классу *открытых* ловушек плазмы. Здесь, казалось, нужные меры были приняты.

Но надо было как-то подкрепить Л.А.Арцимовича и одновременно понять, почему его работа пробуксовывает. Вовремя возник и кадровый вопрос. Политотделы в стране были ликвидированы, и надо было решать, как использовать М.К.Романовского, который тогда был молодым, растущим и перспективным руководителем. Напоминаю, что И.В.Курчатов умер в феврале 1960 года. Речь идёт о событиях конца 50-х годов. МК в это время было лет 40. Конечно, можно было отпустить его на сторону — в ЦК, например, а можно — найти подходящее место внутри забора. И.В.Курчатов предложил Михаилу Ки-

рилловичу должность первого заместителя Арцимовича по науке — фактически "комиссара" при нём. МК согласился не сразу. И к тому были серьёзные причины.

МК кончил технический, а не *физический* вуз, и тут же началась война. Война, конечно, взрослит, но вышибает из головы все абстрактные знания. На счастье, МК на войне работал *в основном* всё-таки *инженером*, занимаясь связью. "В основном" означает "пока стреляли другие". Когда война кончилась, МК предстал перед И.В.Курчатовым тридцатилетним парнем, человеком без гражданской профессии, который, тем не менее, в отличие от многих других умел произнести слово "нейтрино". Курчатова это удивило и подкупило. Всё дальнейшее — результат самообразования. В те годы был в моде афоризм: "Иванов знает физику из автобусных разговоров". Далее идёт стремительный профессиональный рост. Если реактор Ф1 он *эксплуатирует*, то куда более мощный тяжеловодный реактор — 37 объект — он *запускает* в компании с А.П.Александровым и И.И.Гуревичем в самом прямом смысле — они стояли на крышке реактора и лили внутрь тяжёлую воду из чайника, добиваясь появления цепной реакции. А Курчатов сверху командовал.

Предложение Игоря Васильевича поработать вместе со "Львом" означало начать научную жизнь почти с нуля, поскольку физика ядерных реакций и физика плазмы не имеют практически ничего общего. МК согласился условно, выговорив себе право в течение полгода только изучать научные отчёты. При этом он пользовался консультациями крупнейших теоретиков, в том числе академиков Леонтовича и Сахарова. Так МК преодолел научный барьер к новой должности. Но оставался ещё один барьер — человеческий. Под Л.А.Арцимовичем "ходили" очень разные люди: П.М.Морозов, Щепкин, Андрианов, Осовец, Филипповы, Лукьянов, Явлинский, Иоффе — экспериментаторы. Большинство из них было докторами наук или готовилось ими быть. Кроме того, там был прекрасный теорсектор под руководством академика М.А.Леонтовича, где трудились будущие академики Б.Б.Кадамцев и В.Д.Шафранов, не считая "звёзд" помельче. Существовала корпоративность: "Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они". Романовский участвовал в совершенно других битвах. МК поставил условием, чтобы его кандидатура была поддержана всеми ведущими сотрудниками ОПИ. Он должен был себя предьявить, а они должны были его поддержать. Иначе всё бессмысленно. Так кандидат наук из "смежной" физики стал более чем на десятилетие вторым хозяином ОПИ. Не все это приняли, хотя и молчали при жизни "Льва". С учётом того, что Лев Андреевич в свою очередь стал научным чиновником — академиком-секретарём Отделения общей физики АН СССР — круг вопросов, по которым МК принимал самостоятельные решения, был очень велик. Конечно, новая должность МК требовала наличия докторской степени. Совокупность его работ по ядерной физике и плазменной позволяла ему претендовать на степень. В этом деле его активно поддержал абсолютно неуправляемый извне человек — академик Леонтович, который придумал связку между двумя классами его работ — нейтроны. Защита прошла на ура. Дополнительно на МК была повешена и самостоятельная задача: регулировать бум по части электроракетных двигателей, который возник в Америке, а потом пересёк океан и объявил себя в нашей стране. Надо ли напоминать, что специфика электроракетных проблем требовала знания именно физики плазмы, которой МК ранее не занимался. Чтобы это курирование было успешным, МК были дадены деньги и права. Это делало его в какой-то мере независимым от Льва Андреевича. Но, при всём при том, главная задача состояла в срочном овладении мирным термоядом.

К моменту прихода МК в ОПИ основная ставка там делалась на установки тороидального типа, замкнутые сами на себя, — ТОКАМАКИ. По существу это был гигантский одновитковый трансформатор, в полном витке которого возбуждался газовый разряд, и возникала плазма. В целях устойчивости образующейся плазмы, "бублик" обматывался проводами для создания продольного магнитного поля вдоль криволинейной оси "бубли-

ка". Не надо быть физиком, чтобы понять большую сложность проблемы. Во-первых, плазму надо нагреть, чтобы пошли термоядерные реакции. Во-вторых, плазму надо удерживать, чтобы она не выплеснулась на стенки. Эти две задачи потребовали для своего решения полвека, да и то далеко не всё понятно. Потребовалось создать с нуля науку о свойствах вещества в плазменном состоянии. Во времена И.В.Курчатова её не было. Но даже если быть большим оптимистом и считать, что научная сторона заканчивается, то инженерная часть только начинается. Она очень непроста.

Внутри в любом случае, если пойдёт термоядерная реакция, будут выделяться быстрые нейтроны. Они есть источник энергии. Эту энергию надо воспринять каким-нибудь теплоносителем, жидким металлом, например, — не суть, важен принцип. Потом — теплообменник, турбина, электрогенератор. Температура теплоносителя не может быть ниже 500-700 градусов, иначе всё бесполезно с инженерной точки зрения. А рядом магнитные сверхпроводящие катушки с температурой, близкой к абсолютному нулю. Как это можно совместить, непонятно до сих пор. Парадокс состоял ещё в том, что *открытые ловушки* плохо держали плазму, но позволяли раздвигать катушки, что давало шансы для инженеров. А *замкнутые ловушки*, ТОКАМАКИ, куда лучше удерживали плазму, но требовали неразрывной обмотки. Надежды И.В.Курчатова на ОГРУ как физический прототип термоядерного реактора, к сожалению, не оправдались. У Арцимовича "взрывных" успехов по-прежнему не было. Беда подступала и с другой стороны. Была сенсационная лекция И.В.Курчатова в Харуэлле, где он по указанию правительства раскрыл мирные термоядерные секреты (малость устаревшие к моменту лекции). Однако по возвращении на родину у него случился первый инсульт. Оставшиеся ему четыре года жизни Игорь Васильевич хотел безоговорочно заполнить работой. А смерть стояла рядом и периодически приближалась вплотную.

Будучи тяжело больным человеком, И.В.Курчатов записывал в своём личном дневнике — т.н. "Биография Неру" — свои мысли на тему о возможных преемниках Арцимовича. В их числе был и МК. Но ремарка, которую сделал И.В.Курчатов против фамилии МК, несмотря на очень доброе к нему отношение, выводила кандидатуру МК из числа реальных претендентов. Когда И.В.Курчатов умер, этот дневник прочитали и сочли нецелесообразным заменять Л.А.Арцимовича на любую другую кандидатуру. К тому времени Лев Андреевич и МК хорошо сработались, и менять ничего не стали и в этом тандеме. Руководители науки, наконец, поняли, что термояд нельзя сделать методом штурма, который так хорошо получался у Игоря Васильевича. Нужно время — годы, десятилетия, может — века. Соответственно уменьшилось и финансирование работ. К сожалению, оказалось так, что оба направления "плазменной" деятельности МК — термояд и электроракетные двигатели — не имели успешного выхода. Это произошло не потому, что исполнители и их руководители были глупы, а потому, что чиновники от науки ошиблись в оценках сроков и целесообразности проведения данных работ. Всё это так, но меня в этой ситуации интересует личность МК. Когда он рассказал мне, что именно написал Курчатов против его фамилии, то я дополнительно зауважал Михаила Кирилловича. Очень мало людей готовы передать чужую отрицательную, может излишне грубоватую реакцию *as is* — как есть — без оправданий и комментариев. Я не считаю нужным приводить подробности.

* * *

Вернёмся, однако, к даче. Меня поразило несоответствие между высоким служебным положением МК в период появления этой "дачи" и её демократической, если не сказать больше, видимостью. Но если Вам, читатель, покажется, что я эту дачу не одобряю, то всё обстоит не так. Мне она понравилась. Людям, которые в ней жили, было наплевать, как их "фазенда" выглядит в глазах посторонних. Мне это импонировало. Это пристанище

было таинственным. Казалось, что в скрипах старого московского дерева звучат голоса людей, которых уже нет, и даже которых здесь никогда и не было. В этом доме было уместно говорить о прошлом и будущем. Особенно после баньки и рюмки водки...

Старый человек в бане выглядит особенно беззащитным. Никакие слова не могут прикрыть очевидный факт телесного разрушения. Когда я вижу немощных стариков, увешанных орденами, мне кажется, что они в собственных глазах компенсируют телесный распад побрякушками. По счастью, мне не пришлось видеть МК в глубокой старости, облачённым в парадный костюм с железками. Да и был ли у него такой костюм?

И всё-таки иногда становилось страшно, когда в плавнотекущий словесный поток врываются необратимые жестокости прошедшей жизни. Однажды он на моих глазах перебрал. Это было в московской квартире. Выпил очередную рюмку и вдруг стал неконтактным. Это произошло именно мгновенно. Он стал говорить необычно возбуждённо, обращаясь даже не ко мне, а к невидимому собеседнику в моём образе.

— И тогда я выстрелил. Она сидела рядом, где ты сидишь. Красивая польская женщина. Кровь на её платье и на столе. Кровь фонтаном. Я её убил одним выстрелом. Но мои ребята, чем они виноваты? Она их убила!!!

Я пытался успокоить его, но он меня просто не слышал. Он продолжал воевать в том прошлом, в котором были пушки и пистолеты, солдаты, отравленные красивой польской женщиной, шла война, с которой он вполне мог не вернуться. Я глядел на него и не мог себе представить его молодым здоровым парнем, который убивает других и сам спасается от смерти. Но это было.

Как известно, Кира Михайловна — его вторая жена. Первую жену, из Ленинграда, он при мне называл именем Ляля. Она прислала ему в действующую армию письмо с просьбой дать согласие на развод, поскольку полюбила другого человека. А дальше было как в романе: утром приказ наступать на хорошо укреплённые немецкие позиции. Он искал смерти. В атаку пошло 96 человек. Уцелело 13. В том числе и Романовский. Кстати, война не затронула его телесно. Пули, осколки и снаряды его миновали. У него не было даже нашивки за ранение. Где-то он, правда, ногу сломал, но это не считается. У него сложилось мнение, что некий ангел-хранитель его оберегал в совершенно безнадёжных ситуациях. Однажды при какой-то передислокации он тяжело заболел. Ему дали лошадь, потому что своим ходом он идти не мог. Когда они пришли в какой-то городишко, у него не было сил самостоятельно слезть на землю. А лошадь стоит на месте и бьёт копытами, что-то выкапывая в снегу. Пригляделись и ахнули: выкопала она противотанковую мину! Может быть, действительно не судьба, а Бог сохранил МК на войне, опалив его сердце, чтобы он выполнил свою послевоенную миссию?

Говорят, что любовь и война списывают всё. Мне в это не верится. Он мне рассказывал, что в конце войны ему удалось вырваться в Ленинград, чтобы увидеться с Лялей. Уже в Ленинграде какой-то пронизательный начальник отобрал у него два пистолета, которые он захватил с фронта, когда узнал истинную цель визита Романовского в Ленинград. Эта встреча поставила точку в его отношениях с первой женой. Но остался шрам недоверия к женщинам вообще. В связи с его "болячкой", духовную природу которой нам надо было найти (болезнь глаз), я описал ему женщину, которая была влюблена в него на войне, и которую он "недооценил".

— Была ли такая женщина? — спросил я.

— Была, — не задумываясь, подтвердил МК.

Война ничего не списывает и оставляет шрамы.

Мой Телемак, Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.
Должно быть греки: столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...

Однажды Кира Михайловна звонит в середине апреля и приглашает к ним на посиделки в очередную субботу. Эти встречи происходили неоднократно ко взаимному удовольствию и всегда на их территории — по просьбе Романовских. Выработался определённый ритуал. За столом сидели вчетвером. Иногда бывал "Шурёнок". Стол всегда был не изобильный, но благородный, обязательно с какой-нибудь изюминкой. Напитков всегда было в меру. Кира Михайловна, в отличие от многих других хозяек, замученных приготовлениями закусок, была полноправным участником всех разговоров, поскольку не прислушивалась к тому, что делается на кухне, а вела себя непринуждённо. Кроме того, она вполне могла быть "хозяйкой салона", поскольку ей было, что сказать. У неё идеи были... В этот раз моя Оля что-то заартачилась: надо проводить посевную на даче, давай, дескать, перенесём. Потом женщины нашли компромисс, поскольку Кира Михайловна тоже рвалась на посевную и хотела устроить последнюю в зимнем сезоне встречу до своего майского отъезда в Сильверстово надолго... Мы хорошо посидели, а меньше чем через месяц мы Киру Михайловну похоронили. У меня остались две видеоплёнки... Она очень заразительно смеялась...

Конечно, разговаривая наедине с МК и Кирой Михайловной, я узнал много поучительного. Но я боюсь попасть в положение блестящего стилиста Юрия Нагибина, который мечтал написать дневник без слова лжи, одну голую правду. Написал, опубликовал. Прочитали. Пришли в ужас. Голая правда оказалось расчленённой. Поэтому, не надеясь на собственное чувство меры, я воспользуюсь пронзительными словами удивительного мастера, написавшего эти стихи за 16 лет до рождения МК:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

Я бы отнёс эти слова к началу их сближения. А потом:

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной молю ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

* * *

У МК были значительные претензии к Богу, особенно на первых порах нашего близкого знакомства. И были вопросы, на которые он неустанно искал ответы.

— Скажи, почему Бог так жесток? Чем провинились дети, которые умирают? Зачем войны и убийства?

Классические ответы на этот вопрос его не устраивали, да и меня тоже. Возможность ему ответить с полным убеждением возникла у меня только под самый конец нашего с ним знакомства. К тому времени неслучайный случай вывел меня на чтение Гегеля. Гегель был обыкновенным гением. Мы его знали только как изобретателя диалектики. Это мелочь. Гегель был единственным в мире мыслителем, который последовательно рассмотрел идею *нестационарного* Бога, Бога развивающегося. Согласно Гегелю мы, люди, — зеркала, в которые развивающийся Бог рассматривает себя. Можно сказать, что наша жизнь это сон Бога, из которой Он черпает информацию для самопознания, а наш сон это

деятельность в качестве частицы Бога. На этом Гегель остановился. Но не терпится задать следующий вопрос: а кто создал молодого развивающегося Бога — Бога-Сына, — кто его пестует в процессе развития? И я понял, что единственный ответ — Бог-Отец. Но если есть Бог-Отец, то почему не быть Богу-Деду и так далее? Значит, существует Сеть, и современный Интернет есть её модель. Но если всё это так, то не есть ли Божественная Сеть тот таинственный Бог Дух Святой, оскорбление которого Иисус Христос считал самым тяжким грехом? Вот он — "физический смысл" Троицы.

Я увлёкся этими мыслями, написал статью, запустил в Интернет, принёс её МК и прокомментировал. Идея ему как будто понравилась именно потому, что была достаточно сумасшедшей.

— Забавно... Но всё-таки, почему Бог так жесток?

— Бог-Отец создаёт глобальную сетку сценариев на все события во все времена. Это Его зона ответственности. Нас он помещает в нужное место в нужное время, и... — плывите сами. Иначе, где же наша богоподобность? Если у нас нет свободы выбора, то мы не можем нести ответственность, и не можем быть частицей развивающегося Бога. Это **наша** жестокость, а не Его. Мы методом проб и ошибок учимся выбирать добро.

— Забавно... Но тогда ты должен дать ответ на контрольные вопросы. Например, в чём смысл жизни?

— Попробую. Каждый из нас — маленькая, мутная голограмма Бога-Сына. На Земле мы в командировке для решения какого-то частного вопроса Его воспитания. У каждого своё задание, своя миссия. Надо её найти и реализовать. Человек вовсе не рождается для счастья как птица для полёта. Но он не рождается и для скорби. Короткий период счастья — награда за достижение, уход в сторону — неприятности. Жизнь должна быть в полосу как стиральная доска от задачи к задаче. Если ты слишком долго счастлив, подумай, не сняли ли тебя с дистанции... *Смысл жизни — в накоплении и усвоении личной этической информации.*

* * *

Мне очень жаль, что я с ним больше не встречаюсь в этой жизни. Когда уходит человек уровня Романовского, то начинаешь понимать всю тяжесть слова *никогда*. Я *никогда* не узнаю, например, пользовался ли он шпионским фотоаппаратом Минокс в потёртом кожаном чехле на молнии, и если пользовался, то при каких обстоятельствах? Ведь он много выезжал за границу, когда другие не ездили... Сам фотоаппарат — размером в современную зажигалку, но раза в три тяжелее — он подарил мне года за три до смерти. К нему запасная кассета с особенной плёнкой, которая наверняка уже за давностью лет протухла... Я забыл подробности его двух встреч с Берией и работу в комиссии, которую тот возглавлял. Я не записал вовремя трагическую историю его приятеля "Севки Алперса", который, будучи в командировке в Ленинграде, что-то по пьяному делу сказал, не оглянувшись. А в Москве его не пустили за забор, поскольку его допуск к секретной работе был аннулирован и даже связи МК не помогли сразу убедить КГБ сменить гнев на милость. Но это не помешало МК вместе с Кирой Михайловной пристроить его на время к изготовлению фотоэмульсий для фиксации ядерных реакций, поскольку это было единственным занятием, которое почему-то не требовало допуска... За той эпохой, которой МК принадлежал и служил, закрывается, может быть, самый последний занавес. История оканчивается. Нельзя внести ни одной запятой. Живые страстные люди начинают жить другой жизнью, в буквах документов. А сам ты в своих сомнениях ещё цепляешься за образы тех, кого ты знал лично, но кого уже нет, понимая подспудно, что и твоя очередь скоро подойдёт...

Есть смелость военная и гражданская. Гражданская, может быть, в чём-то выше, не мне судить... Случилось эта история, как на грех, в самый разгар борьбы родной партии с алкоголизмом, когда партия азартно вырубала виноградники на Кавказе, чтобы истребить самогоноварение в Москве. В это время два дурака — я и мой личный приятель — попали в вытрезвитель. Не интересно, как и почему всё это произошло. Важно, что нас было двое. А у моего приятеля через месяц — выборы. И не какие-нибудь выборы, а серьёзные. Его выбирали в члены-корреспонденты АН СССР. Каким-то хитрым образом ему удалось откупиться от милиции. А обо мне он не позаботился — Бог ему судья. Естественно, что через несколько дней "телега" на меня пришла в Институт и осела в парткоме. От меня потребовали объяснительку. Я её написал. Потом наступило большое партийное собрание подразделения, в котором в этот период времени числилась моя лаборатория. Как писал некогда А.Галич: "У них первый был вопрос "Свобода Африки", ну а мой вопрос — в разделе "Разное"". После "Африки" докладчик из парткома Института напомнил слушателям о текущем моменте и непартийном поведении коммуниста Чусова, который не только пил водку в непомерных количествах, вопреки прямым указаниям партии, что закономерно привело его в вытрезвитель, но и не проявил должного *раскаянья и искренности* перед партией, отказываясь сообщить, с кем именно он выпивал (парткомовцы почему-то решили, что второй был тоже из ИАЭ, и горели жаждой мести). Короче, с учётом особенностей *текущего момента* мне грозили весьма крупные неприятности. И опять по Галичу: "А из зала всё кричат: "Давай подробности!". Неожиданно на трибуне оказался Романовский. Отдел научно-технической информации, который он тогда возглавлял, по своей партийной принадлежности числился в этом же подразделении. Он сказал очень простые слова:

— Вы хотите, чтобы он стал предателем?

Представитель парткома не сообразил, что Романовский одной фразой сумел переломить настроение зала. Всё-таки там сидели учёные. Не всегда управляемые. Он опять ринулся объяснять текущий момент и предложил вынести мне строгий выговор с занесением. Кто-то из зала крикнул, что занесение надо убрать. Все уже собрались проголосовать за это, но какой-то умник сообразил, что надо объявить *замечание*, поскольку *замечание* не должно утверждаться парткомом, где вполне могли втихаря со мной расправиться. Было принято именно это решение. На парткомовца было жалко глядеть.

Много лет спустя я спросил МК, помнит ли он эту историю. Он ответил, что не помнит. Но всё было именно так, как я написал. Романовский здорово рисковал. Он уже был в глубокой опале, и всесильный временщик В.А.Легасов, который был тогда его прямым начальником, наверняка был не доволен тем, что МК косвенно ссорит его с парткомом. Интересно и то, что никакой дружбы в те годы с МК у меня не было. Просто здоровались при встрече.

И мне вспоминается, что МК с усмешкой рассказывал мне, что когда он был начальником Политотдела, то на каком-то новогоднем собрании в Доме Культуры он поздравил коллектив ИАЭ с наступающим праздником и пожелал успехов в труде *и счастья в семейной и личной жизни*. На следующий день — звонок из ЦК. Почему отошёл от стандартной формы поздравления? Он как-то выкрутился, но пальчиком ему погрозили. Наступил Новый год. Первого января ему опять звонок из ЦК. Откуда он узнал, что руководитель партии в новогоднем обращении к стране использует *расширенное* пожелание?

Мне говорят — ты смелый человек.
Неправда, никогда я не был смелым.
Считал я просто недостойным делом
Унизиться до трусости коллег...

* * *

Эти строки я пишу 11 сентября 2005 года. Четыре года тому назад я не мог оторваться от телевизора. Никогда не приходилось видеть самолёты, таранящие высотный дом. Эти кадры навсегда войдут в историю, если, конечно, сама история уцелеет. Смотрю неотрывно на экран, и вдруг — звонок телефона. Я с ненавистью схватил трубку и гаркнул: "Да! Слушаю!!!" На том конце провода: "Илья? Ты смотришь телевизор?" Это был МК.

Мы с ним потом неоднократно обсуждали динамику изменений мира, свидетелями которой оказались, и пришли к неутешительным выводам. Вот сегодня, 11 сентября 2005 года, "ящик" принёс известие, что на Венецианском кинофестивале главный приз получил фильм о трогательной любви двух ковбоев-гомосеков. Их играют два знаменитых американских актёра. Есть определённый смысл в сопоставлении этих двух совершенно разноплановых событий, происшедших 11 сентября со сдвигом в четыре года. Против каких ценностей западного мира выступают смертники-террористы? Например, против таких фильмов. Мы, люди западной или восточно-западной цивилизации боимся поставить вопрос о мотивах, которыми смертники руководствуются. Боимся потому, что свобода подвергать обсуждению и сомнению ценности "общества потребления" нас пугает. Здесь можно подорваться на собственных минах. Король может оказаться голым. Поэтому проще считать террористов извергами рода человеческого, а Америку — бастионом свободы.

Но я не могу так просто проглотить эту успокоительную наживку, потому что я — русский человек и не хочу плевать в историю своей страны. Первые террористы-смертники в Европе — наши народовольцы. Это были очень благородные, неподкупные и самоотверженные люди. Я осуждаю все те убийства, взрывы, гибель невинных людей, которыми сопровождалось их *служение добру*, как они свою деятельность понимали. Никто из них, кстати, не был мусульманином... Не стоит считать и наследников их дела — большевиков — супостатами. Всё сложнее. Всех этих людей, включая в этот список и нынешних, объединяет одно: они хотят зло уничтожить, используя другое зло как средство достижения цели. Они нетерпеливы, они хотят срывать незрелые плоды. Они хотят не *приманить*, а *заставить*, в конечном смысле — *изнасиловать*. Они не принимают главного тезиса Христа: возлюбите своих врагов. Не потому, что враги — приятные люди, а потому, что уничтожать врагов, это уничтожать зеркало, в котором — собственное отражение. Возлюбить врагов — это понять их мотивы и пожалеть их за слепоту, за то, что они не ведают, что творят. Тогда ты сможешь с ними договориться и устранить причину конфликта. Если реализовывать другую стратегию — уничтожать врагов — быть беде. Уничтожение врагов препятствует решению *собственных* проблем. В итоге — застой. Как известно, победители в войнах частенько становились жертвами своей победы.

В самые последние годы на наших глазах силовое противостояние двух жизненных концепций приводит к вынужденному свёртыванию тех самых свобод, под флагом которых западная цивилизация сформировалась. Но Бог с ней, с Америкой, пускай сама разбирается. А у нас лучше? Подъезды в домах заперты на замок, в школах, больницах и детских садах сидят дюжие парни-охранники. Легально продаётся оружие под предлогом того, что народ должен иметь право на оборону. А оружие всегда стреляет! Выпустили джина из бутылки. Попробуй, загни его обратно!

В своих рассуждениях мы с МК не видели новой идеи, которая может объединить мировое сообщество. Честно говоря, крушение коммунизма ударило "одним концом по барину, другим по мужику", то есть по Америке в частности. Реализация коммунистических идеалов пусть в каком-то бесконечном временном отдалении, давала надежду и пе-

редышку всем участником тогдашнего политического конфликта. Теперь её нет. Выбор в западном обществе идёт между *обществом потребления* более цивилизованным и совсем диким. "Гроссмейстер не баловал разнообразием" по словам Ильфа и Петрова. Люди начинают это понимать, и престиж всякой власти падает. Кризис — системный. Огромный всплеск жестокости всех по отношению ко всем. Допустимы любые средства. Девальвация семейных ценностей. Наркотики. Гомосексуализм. Разложение искусства. Опошление любой идеологии. Деграция общества в целом. Может быть, мусульманские смертники это и есть те самые "варвары", люди другой культуры, перед которыми не устоял Рим?

Мы неоднократно обсуждали все эти вопросы. Особо важным казалось очевидное увеличение числа природных и техногенных катастроф крупного масштаба за последние годы. Если бы МК видел по телевизору утонувший Новый Орлеан! Мы с ним не расходились в выводах. Мы расходились в сроках. Я полагал, что час "Ч" совсем близок, потому что терпение Бога кончилось. МК считал, что у человечества ещё есть резервы... Но лично у него резервы кончались. А ведь их дают под задачу! Я предлагаю его обучить компьютерной азбуке — он не хочет. Я предлагаю научить его практике лечения. Он отказывается. Ему, дескать, цыганка нагадала, что в пятом поколении Романовских не может быть врачей — иначе смерть. В ответ я спрашиваю его, сколько лет он хотел бы прожить ещё, если цыганка права? Он молчит...

Когда он снова начал курить, я понял, что ему всё надоело. Я уже не мог до него достучаться, как это получалось раньше: "Куда Вы торопитесь? Зачем уходить из театра за десять минут до занавеса?". "Я хочу к Кирушке." — и умолкал. Он порадовал нас абсолютно адекватным поведением на своём восьмидесятилетии, а потом перестал бороться с энтропией... 14 января 2005 года его не стало.

И остаётся огромное количество недосказанного. Я не буду писать о его врагах. Я их знаю, но нет смысла запускать посмертную тяжбу. Поговорим лучше о хорошем. Однажды он мне позвонил: "Надо помочь Володе Меркину". К стыду моему я не слышал этой фамилии. Оказалось, что Владимир Иосифович Меркин был конструктором первых атомных реакторов, человек в курчатовских кругах знаменитый. МК мне тут же рассказал прелестную байку. Когда он стал начальником Политотдела, к нему стали стекаться для принятия мер все институтские конфликты. В частности, пришёл рабочий-правдолюбец и пожаловался на некоего начальника, который вместо того, чтобы разобраться в его, рабочего, совершенно правильном предложении, публично заорал на него: "Бред сивой кобылы!" Рабочий хотел, чтобы МК осадил начальника, который не ценит предложения рабочего класса. МК ему пообещал разобраться.

На следующий день он как раз вошёл к Курчатову в тот момент, когда незнакомый ему подвижный тёмноволосый человек орал на Игоря Васильевича: "Это бред сивой кобылы в тёмную сентябрьскую ночь!!!" Курчатов видит вошедшего Романовского и говорит ему: "Знакомся, Миша — Меркин! Никакого почтения к начальству."

МК потом вызвал рабочего и рассказал ему эту историю, особо подчеркнув, что презрения к рабочему классу у Меркина не было, просто он такой человек. Рабочий успокоился.

Вернёмся к тому, что надо было помочь "Володе Меркину". У него средствами диагностики был установлен локализованный рак в брюшной полости. Я опускаю ненужные медицинские подробности. МК мне позвонил в тот момент, когда Владимира Иосифовича стали готовить к операции. У меня оставалось недели полторы. Я спрашиваю МК:

— За чей счёт будем лечить Меркина?

— Как то есть, за чей счёт? Ты же не берёшь?!

— Я-то не беру, но бесплатного лечения не бывает. Кто-то должен просить у Бога даровать Меркину ещё жизненных сил. При этом надо что-то пообещать. Лучше всего, чтобы такой работой занялся сам Владимир Иосифович.

— На это рассчитывать не приходится. Он в Бога не верит. А я могу?

— Можете, но лучше кого-нибудь поближе, жену, например, озадачить.

— Хорошо. Она тебе позвонит.

Так я познакомился сначала по телефону, а потом и лично с женой В.И.Меркина, маленькой хрупкой Анной Михайловной. Она мне стала регулярно позванивать, и мы много говорили о Владимире Иосифовиче, о его духовных проблемах и прочих сопутствующих вещах. Я ей сразу сказал, что для полного решения требуется обязательное участие в нашей работе самого Владимира Иосифовича. Но она мне ответила, что пока это невозможно.

Через несколько дней я получил РАЗРЕШЕНИЕ лечить Владимира Иосифовича от рака, чем и занялся с большим удовольствием. Между тем срок операции неумолимо приближался. Наконец, она наступила. В процессе операции неожиданно выяснилось, что рака-то нет, опухоль доброкачественная. Все воспрянули духом, и про меня забыли. Дальнейшее я знаю со слов МК. Через пару недель пациент выписался. И как раз наступил его день рождения или даже юбилей. Все ели-пили и радовались чудесному избавлению. Но когда гости ушли, Владимир Иосифович Меркин внезапно умер.

Хочу сказать читателю, что на сайте Института я нашёл кадры открытия мемориальной доски В.И.Меркина у нас на территории. Это было, в общем-то, совсем недавно — пару лет назад. На переднем плане МК в своей неизменной пластмассовой куртке, а рядом с ним Анна Михайловна. На днях я сходил поглядеть на эту доску. Мне стало грустно. Во-первых, она маленькая и очень похожа на стандартную доску из колумбария с традиционной овальной фотографией в центре. И слова казённые. Дескать, сей человек был доктором наук и возглавлял сектор №6 в Отделе ядерных реакторов. А вот то, что когда-то в сарае его лаборатории стояли две 76мм пушки, из которых собирались стрелять навстречу, не написано нигде. А надо бы. Атомная бомба устроена так, что куски плутония выстреливаются навстречу, образуя в момент соприкосновения критическую массу. Иначе будет не взрыв, а пшик.

У МК было очень не малое право считать реактор Ф1 своим. Где-то в году 47, в самом начале эксплуатации первого реактора, МК был одним из трёх начальников смен. Эксплуатации придавалось в те времена огромное значение. Довольно часто появлялся лично Курчатов, а уж эксплуатационный журнал он изучал очень придирчиво. Потом, конечно, эксплуатация стала рутинной. Но это уж потом, когда всему научились. До этого надо было в прямом смысле дожить.

Люди, которые конструировали этот реактор, включая В.И.Меркина, были, несомненно, умные. Но одну внешнюю дурь они не предусмотрели. Как-то в смену МК (присутствовал и Игорь Васильевич) произошло отключение электричества. Конечно, надо прежде всего остановить реактор, введя поглощающие стержни. Но по тогдашней конструкции для этого надо было включить электромоторы! Однако резервное электропитание не было предусмотрено. В этой ситуации Игорь Васильевич понял, по какому краешку они ходили. Романовский тоже понял, что произошло ЧП, последствия которого могли быть ужасными. Как-то они в тот раз со стержнями справились вручную. (Забыл спросить, как именно, — теперь не у кого). Но по мотивам этого происшествия все поглощающие стержни были переделаны на магнитную подвеску. То есть, стержни падали и реактор останавливался, если пропадало электричество. Курчатов после неприятного эпизода отвлёк

МК в сторону и сказал: "Ты это видел, я это видел. Больше об этом никто не должен знать". Тень маршала Берия накрывала всех и "Бороду" тоже. Если МК не перепутал, то он мне первому рассказал эту историю. Через полвека... "Нормальный" срок давности.

Прощание с людьми уровня В.И.Меркина и выше всегда происходило в Доме Культуры. Я тоже пришёл. Сменялся почётный караул, в составе которого был и Михаил Кириллович... Когда хоронили МК, то эти похороны, напротив, носили частный характер. Никакого Дома Культуры. Это неправильно. МК был, наверное, последний живой человек из курчатовской команды, который называл И.В.Курчатова на "ты" при народе. Но, оставаясь вдвоём, МК переходил на "Вы". Курчатов Романовского всегда называл на "ты", и это было знаком доверия. Такие странности легко объясняются. МК как начальник Политотдела был "государево око" при Бороде. Начальники из ЦК предложили Михаилу Кирилловичу ввести симметрию в обращения: или оба на "ты" или оба на "Вы". МК выбрал более хитроумный вариант. Курчатов понял смысл этой галиматши и не возражал... И ещё. Однажды случился повод вспомнить состав учёного совета ИАЭ при Курчатове. МК стал загибать пальцы: "Борода, Анатолий, Соболев, Лев, Исаак, ну, я по должности... Погоди, дальше-то кто...". Я перебил его:

— Вы последний живущий!

— Забавно... May be so.

* * *

И я хочу подвести итог нашим кухонным беседам, нашим встречам в последние годы, нашей дружбе, наконец. Науку делают романтики, формулируют прагматики, используют циники. Это же касается и революций... Так вот, Романовский в душе был романтиком. Он был романтиком даже в том случае, если его должность или обстоятельства требовали от него прагматики. Он был прагматическим идеалистом. Но в цинизме его упрекнуть нельзя. Цинизм он отвергал. И цинизм отвергал его самого. И вот когда он перестал опираться в своих поступках на мир, который так бездарно использовал энтузиазм его и его друзей, то он вернулся в мыслях к основам мироздания, понимая, что здесь никто не может ему помешать или заставить действовать "по правилам". Конечно, он сразу оказался в вакууме. Это было тяжело, но он был тренированный боец и умел держать удары.

По существу, в похожем положении оказался и я. Я разуверился в *возможности* и даже *допустимости* силовым образом сделать людей счастливыми, и коммунистический идеал превратился для меня из конкретной точки приложения сил в прекрасную мечту. Но "общество потребления" я, так же как и раньше, не могу рассматривать в качестве нравственного идеала. *Добывание денег не может быть целью*. Но этого мало. Я взглянул по-другому на деятельность "мирных термоядерщиков", потому что они тоже не ведают, что творят: планету Земля срочно надо *охлаждать*, а не нагревать дополнительно. Приняв такой образ мыслей, я потерял друзей-физиков, для которых моя новая жизненная позиция стала вызовом. И я тоже оказался в одиночестве, но моя относительная молодость позволила мне обзавестись новыми друзьями. В их числе был и МК. Чем мы занимались, я описал выше. Для многих это — старческий маразм. Такая оценка меня не волнует, но огорчает. Как говорил Галилей: "Взгляните, и вы убедитесь". Глядеть не хотят. Их право... Может быть, именно у Романовского я научился умению держать удары...

Корабль нашей жизни приближается к пристани и райская роща всё яснее видна.

Чем больше страдаем, тем ближе мы к истине, но чем ближе мы к истине, тем всё дальше она.